

Б. В. Аксюмов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ²

Очередное обострение ситуации в Северокавказском регионе, связанное с террористическими актами в Кабардино-Балкарии, вновь привлекло внимание общественности к этой «болевым» и проблемной точке на территории Российской Федерации. К сожалению, подобных информационных поводов в последнее время (а речь идет фактически о двух последних десятилетиях) не становится меньше. После

¹ Доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук. Автор научных публикаций, в т. ч.: «Конфликт цивилизаций в современном мире и цивилизационный выбор России», «Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа», «Теория и практика совершенствования межнациональных отношений на Северном Кавказе» и др.

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностно-идеологические аспекты конфликтов и напряжений на Северном Кавказе», грант Президента Российской Федерации МД-4849.2011.6.

распада Советского Союза и последовавшей за ним системной дезорганизации постсоветского Российского государства и общества контроль за процессами, происходящими на Северном Кавказе, на некоторое время был утрачен. Именно в этот период сформировались новые и были реактуализированы казавшиеся преодоленными факторы и предпосылки конфликтной напряженности, которые сегодня определяют конфликтогенный облик региона.

Обращая исследовательский взор на современные проблемы Северного Кавказа, невозможно обойти вниманием исторические аспекты этой сложной и неоднозначной проблемы. Очевидно, что уже первые шаги России в данном регионе, сопровождаемые ожесточенным сопротивлением горских народов, не предвещали ничего хорошего для будущего взаимодействия России и Кавказа, а также для интеграции Кавказа в общероссийский цивилиза-

ционный универсум. Кавказская война, зафиксировавшая нежелание большей части горцев добровольно войти в состав Российской империи, во многом предопределила характер будущих взаимоотношений. Проект по интеграции Северного Кавказа, относящийся к XVIII столетию, до сих пор остается проектом. Не случайно сегодня, в начале второго десятилетия XXI века, речь идет именно об интеграции Северного Кавказа, а не о решении проблем данного региона в качестве устойчиво интегрированной части Российской Федерации.

Одно из проявлений этой неинтегрированности — несопоставимая ни с одним другим регионом страны террористическая активность на территории Северного Кавказа. Кроме того, большинство террористических актов или конфликтов на этноконфессиональной основе, происходящих в других регионах России, имеют так называемый «кавказский след». Возникает закономерный вопрос: почему это происходит на Северном Кавказе? Чем обусловлена повышенная конфликтогенная активность в этом регионе?

Сосредоточим внимание на проблеме соотношения социально-экономических и культурно-идеологических предпосылок конфликтной напряженности в Северокавказском регионе. Федеральные власти рассматривают безработицу и низкий уровень развития экономики как причину конфликтов, кризисов и терроризма в регионе. В течение первого года существования нового Северокавказского федерального округа (СКФО) речь шла именно о том, что решить проблемы Кавказа системно можно, только радикально изменив экономическую жизнь, снизив безработицу. На достижение этих целей ориентирована Стратегия развития СКФО до 2025 года, предусматривающая большие государственные инвестиции и беспрецедентные государственные гарантии для частного бизнеса, рискнувшего инвестировать в регион. Итоги первого года существования СКФО показали, что этот вариант не срабатывает и что системные основания для решения северокавказских проблем определены не вполне корректно.

Уровень социально-экономической развитости региона, безусловно, ниже, чем в наиболее развитых субъектах Российской Федерации, в том числе у соседей по Югу России (Краснодарский край, Ростовская область), однако вполне сопоставим с уровнем развития многих регионов страны. Полномочный представитель президента в СКФО А. Г. Хлопонин в ответ на расхожие утверждения о том, что терроризм на Северном Кавказе обусловлен безработицей, заметил, что уровень безработицы здесь не выше, чем в других регионах страны. Тем не менее в других регионах конфликтогенная активность и тем более ежедневные террористические риски несравненно ниже, а если они там все же присутствуют, то чаще всего имеют «кавказский след». Иными словами, социально-экономическая детерминация в данном случае не срабатывает. Очевидно, что уровень промышленного производства низок не только

на Северном Кавказе и проблема безработицы характерна не только для данного региона. Корректно ли в таком случае выводить конфликтогенный потенциал Северного Кавказа из кризисного состояния социально-экономической ситуации, а тем более *только* из этого фактора?

Гораздо больше объяснений сложившейся ситуации можно получить, ознакомившись с культурно-идеологическими предпосылками конфликтов на Северном Кавказе. Можно использовать обобщенное понятие «кавказская культура». Разумеется, этнические культуры народов Кавказа отличаются друг от друга, однако эти различия не столь существенны, чтобы нельзя было представить их в качестве единого культурного, а в конечном счете и цивилизационного ареала. Кавказская культура на сегодняшний день выступает как часть общероссийской культуры, но мало интегрированная, по сути, неорганическая.

Идеологическую и ценностно-мировоззренческую основу этой культуры составляет своеобразное сочетание традиционализма и ислама. Ислам в разных его вариациях одухотворяет современную (подчеркнем: именно современную) кавказскую культуру, интегрирует ее изнутри и в то же время обособляет от других культурных систем, например от тех, которые не основываются на религиозной идее. Идеология, основанная на исламе, превращается в национальную идею народов Кавказа, фиксируя и подчеркивая партикулярность данного региона, его особый статус в рамках Российской Федерации. Идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к исламскому цивилизационному миру позволяют говорить не только о культурно-идеологическом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа.

Разумеется, сами по себе культурно-цивилизационные различия не могут выступать непосредственным источником конфликтной напряженности, однако создают почву для ее возникновения. Еще более благоприятной эта почва становится в контексте актуализации этноконфессиональных различий, которые более конкретны и отчетливы, чем «умопостигаемые» различия культурно-цивилизационных принципов. При наличии указанных потенциально конфликтогенных различий непосредственным поводом для возникновения эмпирического конфликта может стать все что угодно: обидное слово, кривой взгляд, интонация голоса и т. д. Готовность к конфликту, настроенность на конфликт являются отражением общей напряженности в сфере этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе. В такой атмосфере социально-экономическая ситуация, неудовлетворенность уровнем жизни, действительно имеющиеся проблемы с трудоустройством могут выступать как катализатор конфликтов, непосредственный повод, имеющий бытовой характер, но не как причина этих конфликтов.

В свете вышесказанного становятся понятны и проблемы интеграции региона в общероссий-

ское культурное и цивилизационное пространство. Активно пропагандируемые идеи толерантности и мультикультурализма, которые делают данные проблемы более рельефными, могут помочь решить лишь задачу поддержания статус-кво, но не задачу интеграции, могут поддерживать уровень конфликт-

ной напряженности на более или менее «стабильном» уровне, но не устранить глубинные основания самой конфликтной напряженности. Более того, подобный инструментарий потенциально способен еще в большей степени обособить Северный Кавказ от России в целом.